

все же наиболее автентичным, передан так: «Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася; а Игорьъ Князь поскочи горностаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду». А в переводе: «К полуночи приготовлен конь. Овлур свиснул за рекою, чтоб Князь догадался. Князю Игорю тамо не быть. Застонала земля, зашумела трава; двинулись заставы Половецкия, а Игорьъ Князь горностаемъ побежал к тростнику, и белым гоголем пустился по воде».⁵

В академическом издании «Слова» (1950 г.) тот же пассаж дан в таком виде (в переводе Д. С. Лихачева):

Комонь въ полуночи Овлуръ свиснулъ за рѣкою;
велить князю разумѣти:
князю Игорю не быть!
Кликну,
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкїи подвизашася.
А Игорьъ князь поскочи
горностаемъ къ тростию,
и бѣлымъ гоголемъ на воду.⁶

В объяснительном переводе Д. С. Лихачева приведенный выше пассаж интерпретируется следующим образом: «Коня в полночь Овлур... свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться; [Овлур] кликнул, застучала земля [под копытами коней], зашумела [потревоженная] трава, вежи половецкие задвигались [половцы заметили бегство Игоря]. А Игорьъ князь поскакал горностаем к [прибрежному] тростнику и белым гоголем на воду».⁷

Так обстоит дело с общепринятым пониманием выражения «вежи ся половецкїи подвизашася».

Какие же доводы в пользу своего чтения приводит А. Югов и в каком направлении движутся его рассуждения? А. Югов прежде всего ссылается (и совершенно справедливо) на одну из разновидностей древнерусского родительного беспредложного — отделительного (отложительного), употреблявшегося в старинном русском языке при глаголах исходного движения. Примеры такого отделительного беспредложного родительного в языке древней письменности довольно обычны. А. Югов дает очень интересный и редкий случай употребления беспредложного родительного в предложении «Зла подвизайся» — «Зла беги», «От зла беги» (с формой императива от глагола «подвизатися»).

В своем учебнике «Историческая грамматика русского языка» П. Я. Черных говорит об этом случае употребления родительного падежа следующее: «Одним из древнейших явлений славянского синтаксиса (начиная с памятников старославянского языка) и, следовательно, синтаксиса древнерусского языка можно считать отсутствие некоторых предлогов, особенно „от“, перед дополнением в форме родительного падежа в том случае, если глагольное сказуемое, обозначающее „удаление“, „отделение“ и т. п., начинается с этого или близкого к нему по значению предлога-приставки. Например, в I Новгородской летописи: „отступи Києва“

⁵ Ироическая пѣснь..., стр. 40, 41. Перевод даем по новой орфографии. (Разрядка везде наша, — Н. Д.).

⁶ «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 28. (Далее: «Слово», 1950).

⁷ Там же, стр. 99.

(и др.); в новгородских грамотах XIII—XIV вв.: „тѣхъ в сѣхъ отступился есмь Новугороду“ (около 1300 г.); в Рязанской грамоте 1381 г.: „князь великий Олег ступился тѣхъ мѣсть... Дмитрию Ивановичю“ (= съступился).⁸ Это был своего рода родительный «отложительный» (аблятивус) древнерусского языка. П. Я. Черных говорит, что подобное опущение предлога имело место «не только при условии предложности глагола, но и в таких словосочетаниях, как „бежать кого-чего“ и т. п.».⁹ Пример такого словосочетания дается из Изборника Святослава 1073 г.: «бѣжа же Саула Давидъ» и т. д. Аналогичное употребление глагола «бежать» встречается и у русских поэтов конца XVIII—первой половины XIX в. Два образца беспредложного родительного у поэтов XIX в. отмечены и А. Юговым: «Одних я сам чуждаюся, другой бежит меня» (у Мерзлякова в его песне «Среди долины ровныя») и «зачем бежала своенравно она семейственных оков» (в «Полтаве» Пушкина).¹⁰ Беспредложный родительный можно найти и в других (более ранних) произведениях Пушкина: «Бежали северных мечей» (в «Руслане и Людмиле»); «Я вас бежал, отечески края; Я вас бежал, питомцы наслаждений» и «Беги, беги столицы, О Галич мой, сюда!» и др.¹¹ Ясно, что с точки зрения древнерусского языка сочетание «зла подвизайся», найденное А. Юговым, вполне закономерно, как один из случаев употребления родительного беспредложного. Посмотрим, однако, в какой степени этот любопытный, но единственный пока случай сочетания беспредложного родительного с глаголом «подвизаться» (подвищися?) в повелительной форме может послужить аргументом в пользу предлагаемого А. Юговым чтения?

Из всего сказанного становится совершенно очевидно, что наличие словосочетания «зла подвизайся» в древнерусском языке обязывает по словому всмотреться и вслушаться в анализируемое место «Слова о полку Игореве». Но в то же время надо сказать, что для окончательного раскрытия семантики выражения «вежи ся половецкии подвизашася» уяснения значения одного словосочетания «зла подвизайся» далеко не достаточно.¹² Раскрытию его содержания должен предшествовать тщатель-

⁸ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Издание второе. М., 1954, стр. 290, 291.

⁹ Там же, стр. 291.

¹⁰ Алексей Югов, стр. 167.

¹¹ См.: Словарь языка Пушкина, том первый. М., 1956, стр. 75.

¹² А. Югов не обратил внимания на то, что в найденном им примере глагол «подвизайся», что очень существенно, имеет переносное значение. В переносном значении встречается этот глагол и в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского: домогаться, добиваться, трудиться, подвизаться и т. д. (т. II, СПб., 1902, столб. 1034). Только в одном примере глагол «подвищися» — «подвижеся» имеет буквальное значение (но не с отделительным, аблятивным оттенком, что подчеркиваем особо):

«Аби подвижеся рака о себѣ» Иак. Бор. Гл. 147 (Чтен.), т. е. сдвинулась (сама собою) с места (там же, столб. 1035). Значит, в примере И. И. Срезневского основной оттенок действия глагола «подвищися» сохраняется в выражении «вежи ся половецкии подвизашася» — задвигались. Совершенно очевидно, что в изречении «Зла подвизайся» глагол «подвизатися» с аблятивным значением (беги от чего-либо, здесь — от зла) совсем не тождествен глаголу в словосочетании «подвижеся рака», как не тождествен глагол «подвижеся» в «подвижеся рака», «подвизашася» в выражении «вежи ся... подвизашася» в аблятивном значении, которое ему хочет приписать А. Югов. Указанное обстоятельство отмечено и Л. А. Булаховским в статье «„Слово о полку Игореве“ как памятник древнерусского языка» («Слово», 1950, стр. 150). Примеры, на которые мы сослались выше, свидетельствуют о том, что в древнерусском языке глагол «подвизатися» — «подвищися» мог иметь аблятивное значение только в случае его употребления в переносном смысле. Кроме того, надо поставить вопрос — в какой степени глагол

ный анализ предыдущих и последующих звеньев всего пассажа в целом, так как всякое слово и словосочетание получает свое подлинное значение только в рамках контекста, более или менее широкого. К сожалению, А. Югов не делает этого. Выражение «вежи ся половецкїи подвизашася» он рассматривает изолированно, в самом себе, в полном отрыве от той словесной среды, в которой оно употреблено. Мы же считаем, что к убедительным выводам в конечном счете может привести только обстоятельный разбор всего пассажа, изображающего отдельные моменты бегства Игоря. Понимание нашего выражения находится в тесной зависимости от чтения предшествующих и последующих предложений. А такой пересмотр отдельных смысловых звеньев широкого контекста приводит нас к совершенно иному, нежели у А. Югова, заключению.

Начнем с разбора стихов, предшествующих выражению «вежи ся половецкїи подвизашася». Задаем вопрос: как надо понимать отдельные предложения первой половины пассажа, рисующего бегство Игоря: «Овлур свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; вѣшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася. . .» (даем по тексту Мусин-Пушкинского издания).

А. Югов, присоединяясь к общепринятому чтению, пишет: «Ясно, что Овлур свистом своим и, возможно, условным стуком об земь подавал потаенный знак к бегству Игоря». Так ли это?

Позволим себе усомниться в полной приемлемости утвердившегося в изданиях «Слова» чтения места «кликну стукну земля», относящего «кликну» к Овлуру. Мы склонны считать, что глагол «кликну» наравне со «стукну», который А. Югов также относит к Овлуру, имеет в виду не Овлура, а бегство Игоря. А. Югов строит свое утверждение на понимании выражения «кликну, стукну земля» как «Овлур свистом своим и, возможно, условным стуком об земь подавал потаенный знак к бегству Игоря».

Можно ли понимать «стукну земля» как «стукнул в землю, об земь»? Вряд ли. Здесь надо учесть то, что во фразе «кликну стукну земля; вѣшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвизашася» все четыре глагола — непереходные и притом без предлога! А это весьма важное обстоятельство для правильного понимания отдельных лексем фразы. В качестве побочного доказательства приводим и следующее наблюдение. Если мы обратимся к тексту «Слова», то увидим, что в двух выражениях в нем употреблен глагол — синоним глагола «стукну» («стукнути») — «тресну» («треснути»). Ср.: 1) «Уже снесся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю» и 2) «Тѣми тресну земля, и многи страны. . .»¹³ и т. д. Первое выражение обычно переводится: «Уже спустился позор на славу; уже ударило насилие на свободу;» а второе — «От них дрогнула земля, и многие страны. . .»¹⁴ В обеих фразах глагол — непереходный, но во второй фразе он употреблен без предлога. Употребление глагола «тресну» во втором выражении — «Тѣми тресну земля» — вполне тождественно употреблению глагола «стукнути» во фразе «стукну земля». Следует заключить, что глагол «стукнути» (по аналогии с глаголом «треснути» в предложном соче-

«подвизатися» — «подвижися» был присущ восточнославянскому языку именно в переносном значении и не является ли он, как и все изречение, церковнославянизмом? Если он церковнославянизм, то его доказующая роль в нашем случае в значительной степени обессиливается.

¹³ Ироническая пѣснь. . ., стр. 25 и 32.

¹⁴ «Слово», 1950, стр. 64 и 67 (ритмический перевод Д. С. Лихачева). В Мусин-Пушкинском издании: «уже насилие восстало на вольность» (стр. 25) и «Потряслась от них земля. . .» (стр. 32).

тани) употреблялся в сочетании с предлогом. Если бы автор «Слова» употребил его в значении, которое приписывает ему А. Югов, то он должен был употребить его с предлогом («стукну об землю» или нечто подобное), т. е. примерно так, как им был употреблен глагол «тресну» во фразе «уже тресну нужда на волю». А этого мы не видим. В результате между тремя предложениями с глаголами «тресну», «стукну» в «Слове» получается следующее соответствие со смысловым тождеством второго и третьего (нашего) предложений: «уже тресну нужда на волю» — «Тѣми тресну земля» = «стукну земля».

Сделанное выше сопоставление глаголов «тресну», «стукну» приводит к заключению, что глагол «стукну» (в «стукну земля») аналогичен по своему употреблению беспредложному глаголу «тресну» (в «тресну земля») и что стих «стукну земля» ни в коем случае не должен переводиться «стукнул, ударил об землю» или «топнул в землю» и т. п.¹⁵

Сопоставление сочетания «стукну земля» с синонимическим «тресну земля» и вытекающие из него выводы наводят нас на мысль о другом, новом чтении всей первой половины пассажа «Кликну стукну земля; вшумѣ трава. Вежи ся Половецкїи подвишася».

Считаем, что с почти полной вероятностью можно допустить, что «кликну» относится не к Овлуру и к его условному знаку (свисту, крику), а к звукам, вызванным бегством Игоря и Овлура с той стороны реки (Тора). Словами «кликну стукну земля; вшумѣ трава» автор передает звуки топота стремительно мчащихся по степи коней беглецов, гул вздрогнувшей от ударов конских ног земли и шум потревоженной степной травы. «Отозвалась гулом, загудела, вздрогнула (застучала) земля, зашумела трава» — таков будет новый перевод нашего выражения. Итак, «кликну» я отношу наравне со «стукну» к слову «земля». При такой интерпретации глагола «кликну» все четыре глагола первой половины пассажа, изображающего бегство Игоря из плена, выравниваются в одну линию: все они интранзитивные, в беспредложном употреблении, выраженные формой аориста: «кликну» — «стукну» — «вшуме» — «подвишася». Первые три: «кликну» — «стукну» — «вшумѣ», воспроизводят звуки, вызванные скачкой коней Игоря и Овлура. Последний — «подвишася» — изображает смятение, наставшее в половецком стане при вести

¹⁵ Подвести сочетание «стукну земля» под категорию сочетаний типа «земля пахати» (с дополнением в форме именит. пад. ед. ч. женск. р. на «-а», «-я») не представляется возможным по следующим соображениям: 1) именительный падеж ед. ч. имен женск. р. на «-а», «-я» в роли прямого дополнения употреблялся при переходных глаголах и притом почти преимущественно с инфинитивом: «земля пахати», «косити трава» и др. Ср.: «Нача у Пскова просити... и по пригородом его намѣстником княжая продажа имати обоя, такоже и денги намѣстничи» в П1А. 2) Бросается в глаза, что в оборотах с именит. пад. женск. р. на «-а», «-я» глагол был переходным. В сочетании же «стукну земля» глагол никак нельзя считать переходным. Как интранзитивный (непереходный) употреблен он и у А. Югова: «топнул в землю» («Слово», 1945, стр. 95) или «стук об землю» (значит, «стукнул об землю»; в заметке в журнале «Октябрь», М., 1956, стр. 168). 3) Конструкцию именит. пад. на «-а», «-я» с инфинитивом естественно признают первичной. С XIV в. в письменности наблюдаются единичные случаи употребления формы на «-а», «-я» и с неинфинитивными глагольными формами. Позднее возникают и обороты с дополнением с предлогом (засвидетельствованные диалектами: «ложыли в дирвянная масленка», Пашский район Ленинградской области). Значит, если бы у нас и были основания подвести сочетание «стукну земля» под последнюю рубрику, то и в таком случае «стукну» должно было бы иметь при себе предлог. А его нет! О конструкциях указанного типа смотри подробнее в статье В. Георгиевой «Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием „надо“ в современных русских говорах» (Материалы и исследования по русской диалектологии, т. III. М.—Л., 1949, стр. 40—45 и сл.).

о бегстве Игоря, и представляет своего рода концовку, разрешение вызванного предыдущими глаголами напряжения. По мнению же А. Югова, к бегству Игоря относится только глагол «въшуме», передающий осторожные, крадущиеся движения пробирающегося через половецкую стоянку князя, вызванный ими шум травы.

Что касается выражения «вежи ся половецкѣи подвизашася», то в отношении его А. Югов делает заключение, которое уже было приведено нами в своем месте. Он считает возможным переводить его только так: «от вежи половецкой отделились, или устремились прочь, отбежали».

Свой перевод А. Югов обосновывает также ссылкой на рассказ летописи о бегстве Игоря из плена. «Известно — пишет он, — что за Игорем половецки присматривали. Но вот князь поддался на уговоры Овлура... Они условились бежать ночью. Овлур ждал князя за рекою Тором, держа наготове коней... Игорю был подан сигнал к бегству. Он с великою осторожностью поднял полу своей вежи (шатра, кибитки) и „лезе вон“, то есть вышел».¹⁶ Далее А. Югов выдвигает предположение о том, что «князь через весь половецкий стан шел не один, а в сопровождении своих помощников и сообщников из свиты: трудно предположить, чтобы Игорь сам, один решился пройти через лагерь и перейти речку Тор. И вот естественно, что беглецы сперва отделились от вежи, устремились от нее прочь».¹⁷ Однако ни в летописи (по Ипатьевскому списку), ни в самом «Слове» о товарищах Игоря, сопутствовавших ему во время бегства через половецкий стан (до реки Тор), не говорится ничего. Напротив, из текста летописи можно скорее заключить, что через половецкий лагерь Игорь пробирался один. Поэтому предположение А. Югова в значительной степени является произвольным и не опирающимся на какие-либо конкретные данные. По-видимому, оно имеет в виду форму множественного числа аориста «подвизашася», так как при предположении, что Игорь бежал не в сопровождении сообщников, было бы утрачено согласование между подлежащим (Игорь и его соучастники) и сказуемым — «подвизашася». С меньшей долей обоснованности, однако, можно допустить, что до берега реки Тор Игорь пробирался один, искусно скрываясь в траве, что группа в несколько человек легче могла быть обнаружена половецами. Не можем также пройти мимо того обстоятельства, что рассказ о бегстве Игоря четко разграничивает формы единственного и двойственного числа (когда речь идет о Игоре и Овлуре). Так, повествуя об Игоре, летописец говорит о нем и отдельных моментах его бегства, последовательно употребляя формы единственного числа: «Сей же вставъ ужасенъ и трепетенъ и поклонися... И возмя на ся крестъ... и подоима стѣну и лѣзе вонъ... Сии же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ и всѣде на конь...». Но как только летописец начинает говорить об Игоре и Лавре, он сейчас же употребляет форму двойственного числа: «и тако пойдоста сквозъ вежа».¹⁸

А. Югов не обратил достаточного внимания и на грамматическую структуру предложения «вежи ся половецкѣи подвизашася», а она отнюдь не свидетельствует в пользу предположения о родительном беспредложном. Проанализируем выражение «вежи ся половецкѣи подвизашася» со стороны его морфологических и синтаксических особенностей. Существительное «вежи» может быть в одинаковой степени формой родительного единственного и именительного (винительного) множественного числа,

¹⁶ Алексей Югов, стр. 168.

¹⁷ Там же.

¹⁸ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1946, стр. 172.

т. е. может быть дополнением или подлежащим в предложении. Что же касается прилагательного «половецкіи», определения к слову «вежи», то как в первом издании, так и в Екатерининской копии, этих двух единственно автентичных для настоящего времени текстах «Слова», оно дано в форме множественного числа, хотя и с неправильным (мужского рода!) окончанием «-ии». Подобный случай наличия окончания мужск. р. в форме прилагательного мн. ч. женск. р. в «Слове о полку Игореве» не единственный. Примеры такой замены окончаний (употребления окончания мужск. р. именит. пад. мн. ч. в функции женского рода) у прилагательных и местоимений приводит в своей работе о «Слове» С. П. Обнорский.¹⁹ Если бы «половецкіи» было формой род. пад. ед. ч., то оно должно было бы иметь окончание «-ія» (-ыя), как в других прилагательных в «Слове»: «половецкія» или «половецкой» (вместо первичного «половецкоѡ»). Ср.: «забывъ... и своя милья хоти красныя Глѣбовны»; «иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія» и другие, или «на брезѣ быстрой Каялы», «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой...» и др.²⁰

Находим нужным подчеркнуть, что случаи замены окончания род. пад. ед. ч. в прилагательном женск. р. окончанием «-ии» именит.-вин. пад. мн. ч. мужск. р. в «Слове» С. П. Обнорским не отмечены. Ясно, что в данном случае («Половецкіи») мы имеем дело с формой именит. пад. мн. ч. женск. р. с известной для «Слова» заменой окончания женск. р. мн. ч. окончанием мужск. р. Следовательно, замена «-ии» в прилагательном «половецкіи» окончанием «-ия» у А. Югова совершенно произвольна и графическими данными текста не оправдывается и не подтверждается ни в какой степени (ср. у А. Югова: «Итак, „вежи ся половецкія подвизашася“», стр. 167). В отношении же препозитивного «ся» при наличии постпозитивного, возвратного «-ся», которое может вызвать некоторое сомнение, в «вежи ся половецкіи подвизашася», С. П. Обнорский говорит следующее: «Конечно, в оригинале „Слова“, как и в ближайшем его списке, читалось „ся подвизаша“; в этой форме писец дошедшего до нас списка заменил „подвизаша“ через „подвизашася“, не обратив внимания на то, что „ся“ имелось в препозиции, так как в его языке и в общем русском языке того времени уже стабилизировались в употреблении формы возвратных глаголов с слившеюся постпозитивно с ними частицею „ся“».²¹

Есть, наконец, и еще одно очень важное соображение в пользу общепринятого чтения выражения «вежи ся половецкіи подвизашася» и всего пассажа. Соображение это имеет в виду синтаксическую структуру конца первой половины пассажа и начала его второй половины и выраженное противительным союзом «а» противопоставление: «Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду...»

На противопоставительную функцию союза «а» в «Слове о полку Игореве» обратил внимание еще в 1935—1936 гг. М. Петерсон, проиллюстрировавший свои наблюдения рядом примеров из «Слова». К сожалению, нашего примера среди них нет (вообще, у М. Петерсона не даются все без исключения примеры с союзом «а» в «Слове»). М. Петерсон в двух местах статьи прямо говорит, что «словосочетания, соединенные союзом „а“, обыкновенно противопоставляются одно другому» и что

¹⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 154.

²⁰ Там же, стр. 156.

²¹ Там же, стр. 163.

«конструкции с союзом „а“ обозначают обыкновенно противоположение».²²

С большей определенностью роль союза «а» в древнерусском языке выявляется в развернутой статье В. И. Борковского «Союзы „а“ и „и“ начинательные в древнерусских грамотах».²³ Правда, наблюдения В. И. Борковского относятся к языку грамот, но они полностью могут быть применены к особенностям синтаксической структуры древнерусского языка вообще, а значит, и к языку «Слова». На обильном материале древнерусских грамот, начиная с древнейших, В. И. Борковский приходит к выводам, аналогичным выводам М. Петерсона, но только более обоснованным и категоричным. Так, например, он устанавливает, что «на употребление союза „а“ в значении союза, начинающего новое смысловое целое и ограничивающее это целое от предыдущего текста, с которым оно в то же время связано по смыслу, особенно ярко указывают трафаретные формулировки в грамотах с союзом „а“».²⁴ Об ограничивающей роли союза «а» В. И. Борковский говорит также: «... союз „а“ не только присоединяет следующее предложение к предыдущему, но в известной степени и ограничивает это предложение от стоящего ранее, причем лица, предметы и действия в предложениях с союзом „а“ могут противопоставляться или сопоставляться».²⁵ Наконец, он утверждает, что «каждое из предложений с союзом „а“ не объединяется тесно с предыдущим и последующим предложением»²⁶ и т. д.

Вчитываясь на фоне приведенных выше формулировок в разбираемый пассаж, вслушиваясь в его внутреннее звучание, мы не можем не прийти к заключению о несомненно противопоставительной роли союза «а» в начале второй части общего текста. Противопоставительность его напрашивается сама собой, для установления противоположительной функции «а» не нужны специальные теоретические экскурсы. К ним мы сочли необходимым прибегнуть лишь для вящей убедительности. Но она достаточно ясна и для неискушенного в теории и непредубежденного предварительно глаза и слуха. Союз «а» противопоставляет вторую часть всего пассажа его первой половине и в особенности заключительной фразе: «вежи ся половицки подвизашася». Как искусный художник-психолог, автор «Слова» не рисует все моменты бегства в их деталях, следуя за Игорем шаг за шагом, не выпуская ни одной подробности. В передаче отдельных звеньев сцены бегства ощущается некая недоговоренность, эллиптичность и отрывочность, передающие напряженность, тревожность, настоятельность. И эта напряженность, внутренний трепет, объявший Игоря в решительные для него минуты бегства через вражеский стан, целиком проектируется в отрывочных фразах, в их внутренне и внешне не законченной структуре, в динамике и модуляциях ритма. «Сей же [Игорь] вставъ ужасень и трепеть. . .», — повествует летописец. «Игорь спить, Игорь, бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца» — читаем в «Слове». В незаконченной, прерывающейся последовательности и лаконичности отдельных предложений содержатся резкие, внезапные переходы, скачки от одного действия к другому. Автор как бы умышленно не старается уследить за всеми действиями беглеца-князя своим поэтическим взором, он лишь намечает их, предоставляя слушателю самому восполнить их творческим воображением, переживать их. Экономия слова, певец

²² М. Петерсон. Синтаксис «Слова о полку Игореве». — *Slavia. Ročník*, XIV, Sešit 1—2, 1936—1937, стр. 556 и 588.

²³ *Slavia. Ročník*, XXV, Sešit 2, 1955, стр. 184—190.

²⁴ Там же, стр. 186—187.

²⁵ Там же, стр. 188.

²⁶ Там же, стр. 189.

«Слова» в схематическом, так сказать, виде, как нельзя лучше отвечающем быстрой смене, ударности чередующихся действий, набрасывает основные моменты бегства. Вот Овлур за рекою во мраке полуночи подает князю условный знак — «велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть...» Не вдаваясь в подробности, которые могли бы только растянуть действие, ослабить силу его внушения, автор выпускает промежуточный момент — бегство Игоря до берега реки, а резко переносит действие в другой план, не рассказывая о нем, а непосредственно действуя на наш слух уже его результатами. Акустический эффект — долетевшее до нас эхо бегства Игоря и Овлура — воздействует на наше воображение гораздо сильнее словесного изображения той же картины: «Кликну стукну земля; вьшумѣ трава...» — «откликнулась гулом, задрожала земля, зашумела трава...» — то Игорь с Овлуром мчатся по степи на своих быстрых конях по ту сторону Тора! Откликом бегства и разрешением кульминации является фраза «вежи ся половецкии подвизашася», в трех словах передающая наступившее в стане половцев смятение при вести о бегстве пленников. За этим следует большая пауза, рассекающая общий контекст на две части. Верный своему чувству художника, автор не спешит устремиться за беглецами, он на несколько мгновений разлучает нас с ними, приостанавливает стремительность действия, опускает между нами и ими завесу и делает нас свидетелями смятения и неизвестности в стане кочевников. А за эти несколько мгновений Игорь и Овлур успевают намного опередить погоню. Вежи половецкие приходят в движение, полы шатров и кибиток поднимаются — снаряжается погоня. А в это время Игорь князь уже далеко: он скачет горностаем к тростию, опускается белым гоголем на воду, вскакивает на борзого коня и соскакивает с него оборотнем — босым волком, летит соколом под облаками. Всей предыдущей картине и ее ключительному моменту — тревоге во вражеском стане — автор противопоставляет следующий момент в развитии действия, начинающийся противительным союзом «а». Как и первая часть картины, все последующие звенья действия полны стремительности. Противоположение начала второй половины пассажа последнему предложению первой половины настолько очевидно, что его едва ли надо доказывать другими добавочными средствами.

А как будет выглядеть это место «Слова» в чтении, предлагаемом А. Юговым? При его чтении из первой части пассажа выпадает момент, немногословно, но так выразительно передающий тревогу в пришедших в движение половецких вежах. Реакция половцев при вести о бегстве русского князя, являющаяся неизбежным ответом на предыдущие стихи и разрешающая напряжение, содержащееся в них, таким образом, во фразе совершенно отсутствует. Благодаря этому полностью уничтожается эффект противопоставления, так ярко выраженный союзом «а» и разъединяющий два плана развивающегося действия. В интерпретации А. Югова в переводе на современный русский язык весь пассаж получает следующий вид:

Коней во полуночи
свистнул Овлур за рекою, —
велит князю разумети:
«Князю Игорю — пора!»
Кликнул,
топнул в землю...
Восшумела трава
От кибитки половецкой
отдались —
и поскакал Игорь-князь
в тростники — горностаем,
белым гоголем — на воду!

Пал на бѣрза коня,
а спрыгнул с него
серым волком

В своем переводе А. Югов переделывает беспредложный глагол «стукну» в глагол с предлогом «топнул в землю»; произвольно заменяет прилагательное в форме множественного числа (с окончанием «-ии» мужск. р.) прилагательным с окончанием единственного числа «-ия»: «вежи ся половецкия...» Наконец, противительный союз «а» у него совершенно неоправданно заменяется союзом «и», имевшим в синтаксисе древнерусского языка резко противоположную функцию. После слов-глаголов в форме единственного числа «кликнул» — «топнул» не вполне понятной на первый взгляд становится форма множественного числа глагола «отдалились». В этом глаголе следует подразумевать соучастие предполагаемых, мнимых спутников — сообщников Игоря, в окружении которых он якобы пробирался через половецкий стан, не упоминаемых ни одним словом ни в летописи, ни в поэме об Игоре-вом походе.

Наши краткие заметки о «вежи ся половецкия подвизашася» в «Слове о полку Игоре-ве» нам хотелось бы закончить следующим небольшим обобщением.

1. На базе сделанного в начале заметок грамматического анализа глагол «кликну» с полным основанием следует отнести не к Овлуру, а к слову «земля» наравне с глаголом «стукну», за которым следует глагол «въшумѣ» (трава).

2. Существительное «вежи» (ся половецкия) не может быть формой беспредложного родительного отделения в единственном числе, так как определение к нему — прилагательное «Половецкия» — стоит в форме множественного числа, хотя и с окончанием мужского рода.

3. Глагол «подвизашася» в том же контексте ни коим образом нельзя связывать с предполагаемыми соучастниками Игоря. На это нет абсолютно никаких указаний ни в летописи, ни в самом «Слове». Наоборот, в летописи (по Ипатьевскому списку) четко разграничиваются формы глаголов единственного числа, выражающие действия Игоря, и форма двойственного числа глагола «пойдоста», как только речь заходит об Игоре и Овлуре.

4. О ярко выраженном противопоставлении двух смежных моментов действия, поставленных в оформлении предложения на грани первой и второй половин пассажа, говорит недвусмысленно союз «а», исключительно типичный в своей противительной функции.

5. Замена его соединительным союзом «и», который в отличие от союза «а» не ограничивал данное предложение от предыдущего в древнерусском языке, не может быть оправдана соображениями как синтаксического, так и логического порядка.

И, наконец, два слова о семантическом членении всего отрывка, рисующего отдельные эпизоды бегства Игоря. Основных моментов в нем пять. а) Он начинается своего рода вступлением — картиной, изображающей явления природы, символически благоприятствующей осуществлению давно лелеемой Игорем мысли об избавлении от плена, на фоне которых зарождается действие: «Прысну море полунощи; идуць сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажець изъ земли Половецкой на землю Рускую къ отню злату столу». б) Второй момент изображает тревожное душевное состояние князя, охваченного противоположными чувствами,

переходящего от полудремоты к бодрствованию, устремляющегося мыслью в далекие степные просторы в тишине мирно догорающего вечера: «Погасоша вечеру зари: Игорьъ спитъ, Игорьъ бдитъ, Игорьъ мыслию поля мѣрять отъ великаго Дону до малаго Донца». «Тревога, решимость, готовность на риск — все в этом быстром, как ветер, пробеге мысли: удастся ли победить расстояние и пронестись степью...», — говорит об этих стихах Е. Ляцкий.²⁷ в) Но вдруг тревожное раздумье Игоря прерывается резким свистом — то Овлур с того берега реки подает ему условный знак к бегству. На размышления не остается ни мгновения, ударил роковой час, всякое промедление может повлечь за собой гибель и смерть! «Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велить Князю разумѣти. Князю Игорю не быть...» Игорь напрягает последние силы, мобилизует волю, решается на последний шаг... г) Последовательность действия прерывается, Игорь скрывается от нашего взора, повествование автора резко обрывается... И только следующие за этим слова дают ответ на происшедшее. В ответ на него половецкие шатры нарушают свой покой: «вежи ся половецкии подвизашася» — читаем в «Слове»; заключительный эпизод четвертой картины — естественный финал всего случившегося. д) Мы на грани двух моментов, противопоставленных певцом «Слова». В то время как нам предоставляется автором дополнить воображением недосказанные подробности ночной тревоги, он дает беглецам возможность ускакать далеко: «а Игорьъ Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголем на воду...»

Ссылаясь на выводы сделанного в нашей заметке анализа, предлагаем примыкающий непосредственно к выражению «вежи ся половецкии...» контекст читать в переводе на современный русский язык так:

Коня в полночь Овлур свистнул за рекою;
велит князю разуметь:
князю Игорю не оставаться! (по Д. С. Лихачеву).
Отозвалась гулом (эхом, загудела),
вдрогнула земля,
зашумела трава,
вежи половецкие пришли в движение (задвигались)²⁸
А Игорь князь поскакал
горностаем к тростнику...²⁹

²⁷ Е. Ляцкий. Звукопись в стиховом тексте «Слова о полку Игореве». — *Slavia Ročník*, XVI, Sešit 1, 1938, стр. 58.

²⁸ Любопытно, что примерно так же понимал это место еще В. В. Капнист: «От раздавшегося топота земля застонала. Зашумела трава. Слышно смятение в жилищах половецких» (см.: Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. — «Слово», 1950, стр. 340 (перевод древнерусского текста); ср. также его примечания на «Слово о полку Игореве», стр. 395; прим. 212: «Слова „вежи ся половецкия подвизашася“ не значат, кажется мне, чтоб они от бури потряслись, но что у них учинилось смятение, когда услышан был раздавшийся топот конский и зашумела трава»).

²⁹ Ср. подробное толкование этого выражения в статье В. И. Стеллецкого «К изучению текста „Слова о полку Игореве“» (стр. 146 и сл. и особенно стр. 150—155).